

того, что относится к доблести, смелости, великодушию, воздержанности и не ведающей страха уверенности в себе; с таким снаряжением он и отправил его, совсем еще мальчиком, завоевывать мир, имея с собой всего лишь тридцать тысяч пехоты, четыре тысячи всадников и сорок две тысячи экю деньгами. Что до прочих наук и искусств, то, как говорит Плутарх, хотя Александр и относился к ним с большим почтением и восхвалял их пользу и великое достоинство, все же, несмотря на удовольствие, которое они ему доставляли, не легко было побудить его заниматься ими с охотой.

*Petite hinc, iuvenesque senesque,
Finem animo certum, miserisque viatica canis.*⁶⁴

Сходно говорит Эпикур в начале письма своего к Меникею: "Ни самый юный не бежит философии, ни самый старый не устает от нее". Кто поступает иначе, тот как бы показывает этим, что пора счастливой жизни для него либо еще не настала, либо уже прошла.

По всем этим причинам я не хочу, чтобы нашего мальчика держали в неволе. Я не хочу отдавать его в жертв мрачному настроению какого-нибудь жестокого нравом учителя. Я не хочу уродовать его душу, устраивая ему сущий ад и заставляя, как это в обычае у иных, трудиться каждый день по четырнадцати или пятнадцати часов, словно он какой-нибудь грузчик. Если же он, склонный к уединению и меланхолии, с чрезмерным усердием, которое в нем воспитали, будет корпеть над изучением книг, то и в этом, по-моему, мало хорошего: это сделает его неспособным к общению с другими людьми и оттолкнет от более полезных занятий. И сколько же на своем веку перевидал я таких, которые, можно сказать, утратили человеческий облик из-за безрассудной страсти к науке! Карнеад до такой степени ошалел от нее, что не мог найти времени, чтобы остричь себе волосы и ногти. Я не хочу, кроме того, подвергать порче его благородные нравы соприкосновением с дикостью и грубостью. Французское благоразумие издавна вошло в поговорку, в качестве такого, однако, которое хотя и сказывается весьма рано, но зато и недолго держится. И впрямь, трудно сыскать что-нибудь столь же прелестное, как маленькие дети во Франции; но, как правило, они обманывают наши надежды и, став взрослыми, не обнаруживают в себе ничего выдающегося. Я слышал от людей рассудительных, что коллежи, куда их посылали учиться, – их у нас теперь великое множество, – и являются причиной такого их отупения.

Что касается нашего воспитанника, то для него все часы хороши и всякое место пригодно для занятий, будет ли то классная комната, сад, стол или постель, одиночество или компания, утро или вечер, ибо философия, которая, образуя суждения и нравы людей, является главным предметом его изучения, имеет привилегию примешиваться решительно ко всему. И Сократ-оратор, когда его попросили однажды во время пира произнести речь о своем искусстве, ответил – и всякий признает, что он был прав – такими словами: "Для того, что я умею, сейчас не время; сейчас время для того, чего я не умею". Ибо, и в самом деле, произносить речи или пускаться в словесные ухищрения перед обществом, собравшимся, чтобы повеселиться и попить, значило бы соединить вместе вещи несоединимые. То же самое можно было бы сказать и о всех прочих науках. Но когда речь заходит о философии и именно о том разделе ее, где рассматривается человек, а также в чем его долги обязанности, то, согласно мнению всех мудрецов, дело здесь обстоит совсем по-иному, и от нее не подобает отказываться, принимая во внимание приятность беседы о ней, ни на любом пире, ни на любых игрищах. И мы видим, как, явившись по приглашению Платона на его пир, она изящно и сообразно месту и времени развлекает присутствующих, хотя и пускается в самые назидательные и возвышенные рассуждения:

*Aeque pauperibus prodest, locupletibus aeque;
Et neglecta, aeque pueris senibusque nocebit.*⁶⁵

Таким образом, наш воспитанник, без сомнения, будет пребывать в праздности меньше других. Но подобно тому, как шаги, которые мы делаем, прогуливаясь по галерее, будь их хоть в три раза больше, не утомляют нас в такой мере, как те, что затрачены на преодоление какой-нибудь определенной дороги, так и урок, проходя как бы случайно, без обязательного места и времени, в

⁶⁴ Юноши, старцы! Ищите здесь твердого руководства для вашего духа и поддержки себе, когда наступит унылая старость (лат.), – Персий.

⁶⁵ Она равно полезна и нищим и богачам; без вреда для себя ею равно не могут пренебречь ни юноши, ни старцы (лат.). – Гораций.